

Н.А. Родионова
НИУ-ВШЭ, Москва.

„КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА“: РУССКИЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ЭМИГРАНТЫ И НАРОДЫ СТРАН-РЕЦИПИЕНТОВ
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА

Крушение прежней жизни и трагизм беженского существования русских эмигрантов отнюдь не способствовали оптимистическому взгляду на мир и его позитивному восприятию. Надеясь на скорое возвращение на родину, русские эмигранты не стремились к тесному общению с принимающим сообществом. Напротив, влияние инокультурной среды расценивалось как нежелательное, поскольку могло привести к размытию национальной идентичности, чего русские эмигранты во что бы то ни стало стремились избежать. Реальность угрозы цивилизационной энтропии в инокультурном окружении требовала включения механизмов социально-психологической защиты от влияния другой культуры, проявляющейся в этнической интолерантности. Чтобы самосохраниться, необходимо было сконструировать образ если не врага, то „чужого“, наделив его, по возможности, негативными качествами, чтобы избежать соблазна ассимиляции¹. Апелляция к этнофобским стереотипам, с одной стороны, способствовала самосохранению, с другой — свидетельствовала об обостренной эмоциональной реакции людей, переживающих травму изгнания. При этом в процессе межкультурной коммуникации с увеличением культурной

Багдасарян В.Э. Мифологическая парадигма этнофобии // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания: сб. науч. ст. М., 2004. С.6

дистанции между эмигрантским и принимающим сообществом возрастал негативизм оценок.

Стратегия изоляции от инокультурного пространства, избранная русскими эмигрантами, для кратковременного пребывания на чужбине была единственной верной. Она не только позволяла сохранить русскость, свою национальную идентичность, но и смягчала культурный шок, помогала выстоять в трудный период освоения ценностей чужой культуры¹. Русская диаспора во всех странах жила очень изолированно. Отнюдь не случайно В.Набоков, проживший в Германии 15 лет, „не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка“².

Привязанность русских к родной земле, к „отеческим гробам“, природному ландшафту, приверженность национальному образу жизни, этническим традициям, ценностям и нормам поведения препятствовали укоренению на новых местах, а невозможность возвращения на родину усиливала ностальгию. Бывший учитель русской гимназии в г. Шумен (Болгария) А.Дехтерев писал в Париж отцу Вас. Зеньковскому: „Я готов жить чаем и хлебом, но только бы дышать воздухом русских редакций и типографий, русских библиотек, лекционных зал, русских встреч“³.

Инокультурное окружение и ностальгия порождали в эмигрантском эпистолярии кросс-культурные сравнения и рассуждения на тему о будущем родины, о своей особости и о миссии русских в мире. Сравнение было не в пользу Запада, свои ценностные ориентации оставались приоритетными: „Современный человек Запада имеет вместо души чековую книжку, духовные запросы его ограничены текущими счетами в Банке, красоту он ищет только на банкнотах, жизненные и моральные идеалы его только „business“ и „gold“⁴.

¹ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. С.206.

² Набоков В.В. Другие берега. М., 1989. С. 135.

³ Бахметьева Ел. Три ипостаси Ал. Дехтерева // Вильнюс. 1993. №7. Июль. С. 123. В 1946 г. Дехтерев принял советское гражданство.

⁴ ГА РФ. Ф.6089. Оп.1 Д.9. Л. 34.

Пребывание в инокультурной среде обостряло патриотические чувства, принадлежность родной культуре дарила ощущение счастья: „Слова Кутузова звучат для нас выстраданной и бесконечно дорогой истиной: „Я — Русский, и счастливее быть не желаю!“¹ Вера в расцвет русской культуры, приверженность национальным ценностям свидетельствовали о нежелании ассимилироваться: русская культура, „своебразная, самобытная, величественно-простая, самоотверженная и пленительная“, „которую не стерли века лишений и испытаний“, „очистившись в огне страданий“, поведет вперед человечество „после долгих лет его мучений, терзаний, богоискательства и тщетныхисканий“ и сможет доказать „наше несомненное превосходство над другими нациями“².

Палитра мнений и эмоций эмигрантов по поводу населения принимающих стран была довольно разнообразной и определялась культурной дистанцией, историей межгосударственных отношений, сходством психологического облика народов³.

Русские стремились селиться в балканских славянских странах, культурная дистанция с которыми была наименьшей в силу общности истории, языка, религии. Идеи панславизма, определившие направление политики России в Восточном вопросе в XIX в. и пробудившие в России в XIX в. жгучее желание освободить болгар и сербов от турецкого гнета, и в XX в. продолжали воодушевлять русских.

Одним из источников сведений о жизни русских эмигрантов в балканских странах, об особенностях взаимовосприятия русских и местного населения являются ответы на вопросы анкеты, составленной баронессой М.Д. Врангель. Доброжелательное отношение к русским эмигрантам в Болгарии было обусловлено не только родством культуры, языка, конфессиональной общностью, но и благодарной памятью о помощи русских в борьбе против турок. Спустя полстолетия болгары продолжали отмечать праздник в память о

¹ ГА РФ. Ф.6089 Оп.1 Д.9. Л. 35 об.

² Там же. Л. 35 об.

³ Ерофеев Н.А. Этнические представления как предмет исследования //Расы и народы. Вып. 13. М., 1983. С.43.

переправе русских войск через Дунай 28 июля 1877г. У памятников русским воинам, павшим при высадке, с большой торжественностью служилась панихида по Царю-Освободителю и всем русским воинам, павшим за свободу Болгарии. В местах поселения русских эмигрантов, предпочитавших селиться целыми колониями, культурная жизнь местного населения резко активизировалась. Болгары с удовольствием посещали вечера, спектакли, празднества, устраиваемые высокообразованными русскими беженцами. Русская гимназия в г. Шумен стала одним из очагов культуры не только для русских эмигрантов, живущих в городе, но и для коренного населения. Часто проводились совместные выступления болгарских и русского гимназического хоров. Так, в честь освящения вновь построенной колокольни при церкви Св.Вознесения был дан духовой концерт, в котором участвовали два болгарских хора и гимназический, чье пение особенно понравилось болгарам:“Малки хор, но много мелодичен“¹. 3 марта 1927 г. болгары были приглашены в церковь Св. Вознесения на празднование годовщины Русско-турецкой войны и Дня освобождения Болгарии. Была отслужена панихида по русским и болгарским воинам, погибшим в 1877—1878 гг. Для поминования воинов изготовлено более 1 тыс. блинов, повара не спали всю ночь². Болгары посещали домовую гимназическую церковь³. Оркестр гимназии (руководитель и дирижер Вяч. Петр. Кантутис) принимал участие в концертах, проводимых в болгарской читальне „Архангела Михаила“⁴.

Болгарских детей приглашали в гимназию на новогодние праздники. Гостей одаривали игрушками, фруктами, конфетами, орехами. Средства для проведения праздника (в 1925г. было раздано 65 подарков и 265 мешочков сладостей на сумму 1919 лев.) были получены в результате жесткой экономии⁵. Русские предпочитали отказывать себе в самом необходимом, но не в удовольствии принимать гостей. Однако

¹ ГА РФ. Ф. 5766 Оп.1. Ед. хр. 49. Л.274.

² Там же. Л.105.

³ ГА РФ. Ф. 5976.Оп.1.Ед. хр. 4. Л. 26.

⁴ Там же. Л.95.

⁵ Там же. Л.37.

педагог гимназии А.П. Дехтерев отмечал „неслияность“ болгарских и русских детей. За время существования гимназии (запись в дневнике сделана в 1927 г.) ученики гимназии ни разу не были приглашены в гости к болгарам, и болгарские дети не приходили в гости к русским мальчикам. Причину педагог А. Дехтерев видит в том, что дети очень остро чувствовали неравенство своего положения: болгарские дети — хозяева, а русские — „пришельцы, не гости, а именно пришельцы“. „Возможно также, — писал он, — русские мальчики полностью удовлетворены своим домашним бытом и к общению не стремятся“¹.

Присутствие русских детей в Шумене доставляло и неудобства, и контакты с местным населением не всегда были мирными: за 2 недели до 15 сентября (начало сбора винограда) гимназисты совершили опустошительные набеги на виноградники. Болгары сторожили с винтовками, заряженными дробью с солью.

Общаясь, русские и болгары невольно оценивали достоинства и недостатки друг друга. Влияние русских не всегда было благотворным, болгары стремились излечить „русскую болезнь“, рецидивы которой возмущали аборигенов, среди которых было много турок-мусульман. С этой целью Болгарское Воздержительное содружество в сферу своей пропагандистской работы о преимуществах трезвого образа жизни включило Шуменскую гимназию, где доктор Блысков, закончивший Медицинскую академию в России и прекрасно владевший русским языком, в присутствии учеников болгарских прогимназий и представителей педагогического персонала прочитал лекцию „О разрушительном действии алкоголя на организм человека“. Утверждение лектора о пьянстве в Добровольческой армии и бессилии генералов прекратить злоупотребление спиртными напитками вызвало негодование гимназистов, чьи национальные чувства были оскорблены. Они заявили о своем желании довести до сведения лектора о его глубоком заблуждении². (Вспомним: „Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ру-

гаю их. Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? Я ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает“. В. Розанов. „Уединенное). Желание детей выглядеть лучше, особенно во мнении „чужих“, говорит об их стремлении противостоять процессу ассимиляции.

Корреспонденты баронессы М.Д. Врангель, одним из которых был начальник группы РОВС в г.Разлог(Болгария) П.Д. Трандафилов, характеризует болгар как трудолюбивый и экономный народ, но малорелигиозный. Отношение властей и населения к русским характеризуется как доброжелательное: „и население и власти г. Пещеры в Болгарии превосходно относятся к русским, „в Пещере сущим“, русских принимают на государственную службу даже без принятия подданства Болгарии¹. Отмечая, что особенно дружественно по отношению к русским настроены представители старшего поколения, помнящего русских воинов-освободителей, П.Д. Трандафилов с горечью сообщает о „безразличном, а подчас и враждебно-злобном“ отношении молодого поколения, „развращенного большевизмом“. Однако бациллой большевизма была заражена не вся молодежь, немалая часть доброжелателей, по мнению автора письма, была и среди молодого поколения. Особенно враждебно по отношению к русским была настроена германофильствующая интеллигенция².

Отношение к болгарам как к братскому народу, которому Россия издавна оказывала покровительство в борьбе против турок-иноверцев, сокращало вероятность предвзятых оценок и предубеждений, образы-представления чужой страны приобретали позитивную окраску³. Сложившиеся в сознании болгар стереотипы восприятия русских как братьев-освободителей, не могли поколебать даже негативные качества русских, обнаружившиеся при совместном проживании.

Совсем иное отношение русских к венграм, история взаимоотношений с которыми не была столь длительной и дружественной.

¹ ГА РФ. Ф. 5976. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л.122.

² Там же. Л.116.

³ Там же. Л.18.

³ Ерофеев Н.А. Указ. Соч. С. 43.

Корреспондент баронессы Врангель, проживающий в Венгрии, бывший офицер, вынужденный работать строительным рабочим, даже положительное качество венгров (мадьяр) — “разумную экономность” — трактует как „скряжничество, тряпичность“, не характерные для русских, и хотя „у нас много материалов пропадало зря“, отмечает автор, рациональность венгров ему не импонирует. Вспомним: болгары также характеризуются как народ экономный, но это качество братского народа не имеет негативных коннотаций, венгры же — „мелочные эгоисты — тряпичники, у которых всякая крошка на учете“. Отношение к труду у мадьяр тоже не выдерживает сравнения с русскими: „мадьяр уступает русскому, смекалки нет, работает рутинно, из-под палки и от печки“... „Отношение к работе недобросовестное, пренебрежительное, несравнимое с честным отношением к взятым на себя обязательствам“, которое, по мнению корреспондента, характерно для русских“. „Рабочий-мадьяр не имеет самолюбия, замечание старшего его не трогает, он боится лишь увольнения“, „у местных рабочих выработался навык показывать усердие начальству, некоторые делают это ловко, в этом „ловчении“ особенно сильны лодыри“. Венгры, по его мнению, неспособны работать с таким напряжением сил, как его соотечественники: на фарфорово-фаянсовой фабрике во время забастовки в 1924 г. 56 русских выполняли в течение 3 дней работу за весь штат, фабрика не останавливалась. Медлительность венгров в работе он объясняет их стремлением экономить во всем, в том числе и физические силы, чтобы „хватило до гробовой доски“... Возможно, автору непонятен более разумный и ритмичный порядок труда мадьяр, не характерный для русских. Что касается уровня культуры местного населения, то он, по мнению корреспондента баронессы Врангель, оставляет желать лучшего. Сами же мадьяры считают себя высококультурными, с чем автор категорически не согласен: „Умственный уровень рабочих“, — среди которых его русские товарищи и сам автор проводят 8 часов ежедневно, — „не только невысок, он — жалок“. Громадное большинство мужчин читает газеты, но уровень этих газет, рассчитанных на потреби-

теля, настолько низок, что они мало расширяют кругозор читателей, не владеющих элементарными знаниями и способных дать оценку событиям, происходящим в мире. Например, Австралия считается провинцией Южной Америки. Преобладающие темы разговоров — анекдоты, жалобы на скучность заработка, фабричные сплетни. На политические и религиозные темы „не словоохотливы, говорят, озираясь по сторонам“¹. Резкость авторских оценок качеств национального характера венгров, интолерантность к своему окружению объясняется неудовлетворенностью жизнью, дезадаптированностью образованного русского эмигранта, тяжело переживающего снижение своего социального статуса.

Восприятие чужой страны во многом определяется предшествующим культурным опытом реципиента, насколько хорошо он был подготовлен к встрече с иной культурой.

В России проживало немало венгров, поэтому их оценки русских более взвешены, лишены резких характеристик. Те, кто бывал в довоенной России, в основном по торговым делам, отзывались о русских комплиментарно, отмечая их гостеприимство, незлобивость, дешевизну жизни, русскую ширь (широкую русскую душу). Многие надеялись вернуться в Россию для продолжения своей деятельности, когда там будет установлен правопорядок².

В период Первой мировой войны в русском плену побывало 149 тыс. венгров. Большинство из вернувшихся пленных отзывалось о России хорошо и были не прочь вернуться, если не будет большевиков. Особенно поразила венгров доброта и отзывчивость русских женщин, из жалости бесплатно кормивших пленных. Многие из тех, кто побывал в плену в России, считали, что там им жилось лучше, чем сейчас у себя на родине. Максимилиан Чилляк, несколько лет проведший в плену в Ташкенте и считавший себя в неоплатном долгу перед русскими, в течение 5,5 лет еженедельно вел бесплатный амбулаторный прием в русских беженских бараках³.

¹ГА РФ. Ф. 5881 Оп. 2. Ед. хр. 104. Л. 18.

²ГА РФ. Ф. 10003.Арх. баронессы Врангель. Оп.12. К. 44. Кадр-59.

³ Там же. Кадр.6-7.

Тяжела и безотрадна была жизнь русских эмигрантов на чужбине, однако „нигде, кажется, русские не чувствовали себя такими изгнанниками и париями, как в Польше“¹, — где вблизи родины беженцы пытались переждать лихолетье изгнания.

Груз исторически сложных связей между Россией и Польшей определял настороженное отношение поляков, на протяжении ста лет отстаивавших национальный суверитет, к русской эмиграции, которая ассоциировалась с царской Россией. Отношение поляков к русским определялось боязнью вновь утратить с таким трудом добытую независимость. П.Н.Милюков, лидер партии эсеров, писал, что польские патриоты, не считая Россию европейской страной, „представляли себя перед европейским общественным мнением в роли защитников Европы от русского „варварства“ и одновременно давали „выход чувству „триумфа“ по отношению к представителям народа недавних захватчиков“². Польские власти не решились использовать отряд Добровольческой армии под командованием ген. Бредова, который, теснимый большевиками, был вынужден перейти на польскую территорию. Несмотря на то, что „бредовцы“ заявили согласие продолжать войну с большевиками в рядах польской армии, они были разоружены и интернированы в концентрационных лагерях в Познани. Режим был строго тюремный. В течение пяти месяцев офицеры были лишены возможности выходить за колючую проволоку. Нередко бывали случаи, когда польские солдаты избивали русских офицеров прикладами на глазах своего начальства³.

Русских обвиняли в жилищном кризисе в Варшаве. Комиссар Варшавы отдал приказ о массовом выселении русских, не имеющих определенных занятий, из города. Польская газета „Вечерний обзор“ рекомендовала выбросить всех русских на улицу и применить к ним закон Линча. Русские обитатели Варшавы были до того напуганы репрессивными мерами, что в общественных местах боялись громко гово-

рить по-русски¹. Единственным местом, где можно было говорить по-русски, была русская столовая, организованная Красным Крестом. Национальный гнет, насильтвенная политика русификации, проводимая царским правительством, не могли не отразиться на негативном отношении польского общества ко всему русскому, в том числе и к русской культуре. Польша отрицательно оценивала и русскую литературу и русский язык (русские авторы почти не переводились)². „Дерусификация“, выглядевшая в глазах поляков актом исторической справедливости, не могла не восприниматься русскими беженцами как поведение несправедливое, унижающее и отчуждающее.

В России образ Польши также некогда ассоциировался с образом вечного врага, представлявшего ненавистных „латинов“, католический Рим. Однако столетнее пребывание Польши в составе Российской империи стерли у незлобивых русских память о польском вторжении во время Смуты, гибели Ивана Сусанина. Польша уже считалась своей, что способствовало ее позитивному восприятию³. Русские эмигранты, обосновавшиеся в Польше, воспринимали поляков как братский народ, верили, что „во многих случаях стремление отделиться от России было продиктовано лишь инстинктивным стремлением уклоняться от принятия той кровавой власти, которая воцарилась в ней“. Выражая настроения многих представителей русской эмиграции, которые выступали за „единую и неделимую Россию“, стремились к восстановлению России в границах Российской империи, писатель М.П.Арцыбашев призывал польский народ к забвению прошлых обид и к совместной борьбе с большевиками: „Мы утверждаем, что большевики — враги России, что окончательное и безграничное свержение их власти необходимо в интересах не только нашей Родины, но и всего культурного человечества...“⁴ Арцыбашев наивно верил, что „многие из

¹ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 591. Л. 147.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.2. С. 64.

³ Там же. Л. 147.

¹ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 591. Л. 147.

² Осоргин М Листы блокнота // Последние новости. №6789.

³ Лебедева Н.М.Указ. соч. С. 21—22.

⁴ За свободу. 1924. 23 апр.

отделившихся народов снова сольются с нею, во имя собственного блага¹.

Восприятие русских и отношение к ним зависело от экономического положения самой страны-реципиента. В благополучной Бельгии, например, была создана рота русских солдат (1158 чел.) из русских военнопленных, которые работали здесь на принудительных работах и после отступления германской армии с оккупированных ею территорий Бельгии были брошены на произвол судьбы. Население Бельгии относилось к русским очень тепло, поскольку Россия была союзником в войне с Германией в Первой мировой войне. Свобода передвижения русских ничем не ограничивалась. Они были обеспечены пищей, квартирой и обмундированием. 273 человека работали на частной службе в различных городах Бельгии, 250 человек обучились грамоте, были созданы русская библиотека, оркестр и театр. Желающие могли вернуться на родину, но бельгийские власти не чинили препятствий и желающим остаться в стране².

Казалось бы, в Чехословакии, проводившей так называемую „русскую акцию“, — оказание широкомасштабной помощи русским беженцам, — эмигранты найдут свою вторую родину. Проанализировав положение русских эмигрантов в разных странах, корреспондент газеты „Последние новости“ отмечает, что „в Чехословакии безумно любят Россию“. „Россия для каждого уважающего себя чеха — земля обетованная, рай с безграничными просторами и возможностями, которые заманчивее и пленительнее тем более, чем мельче масштабы и возможности здесь, у себя на родине“³. Несмотря на братское отношение к русским, правительство молодой Чехословацкой республики было заинтересовано в профессиональном и карьерном росте национальных кадров, поэтому получить место, особенно на государственной службе, русскому было чрезвычайно трудно. При замещении кафедры предпочтение отдавалось чеху, невзирая на его профессионализм, а не русскому, даже очень талантливому и имеющему научный авторитет. Среди эмигрантов было не-

мало выдающихся ученых, однако к преподаванию в университетах и техникумах привлечены были очень немногие. Русские, ставшие подданными Чехословакии, считались гражданами второго сорта. Философ Н.О.Лосский, знаток русского национального характера, объясняет это крайним национализмом чехов, совершенно не свойственным русским, „привыкшим к великодержавной политике, стремящейся использовать всякий талант, независимо от того, к какой народности принадлежит носитель его“¹. Подобное поведение чехов расценивалось русскими как шовинизм.

Стремление чехов строить демократию без религиозных основ на почве позитивистского миропонимания привело к недоверию к русской духовной культуре, которую считали варварской и реакционной.²

Однако и в братской Чехословакии русские эмигранты чувствовали себя „терпимыми париями среди свободных граждан других государств“. „В милой Чехословакии нас привечают как разорившихся родственников, кое-где нас терпят, как незваных гостей; в иных странах к нам относятся определенно враждебно, уродя нашу жизнь всячими ограничительными мерами“, — писал М.Арцыбашев. Русских считали ответственными за преступления большевиков. „Разве не приходится ежедневно слышать из уст иностранцев, что „все русские — большевики“, — возмущается писатель, — „разве не ставят русским препятствия во всех почти государствах, разве не наносят всему русскому народу тягчайшее оскорблечение признанием большевиков законной нашей властью, разве не обрекают нас на гибель за то, что у нас такая власть?“³

Несмотря на традиционное чешское русофильство, с чешским обществом русская колония мало сближалась: мешал не только языковый барьер. Русские не собирались надолго задерживаться на чужбине и не считали нужным учить язык маленького народа. Чешская исследовательница

¹ Лосский .Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 250.

² Там же. С.252.

³ Арцыбашев М. Эмигрантская вобла: записки писателя. М., 2006. С. 265—266.

¹ За свободу. 1923. 22 окт.

² ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 591. Л. 147.

³ Там же. Д.592. Л. 33.

А. Корпшивова отмечает „пренебрежительное отношение к чешскому языку и чешской культуре, которую русские не знали и которая их не интересовала“.¹ Принадлежность к цивилизационному восточноевропейскому ареалу, к иной конфессии, иному лингвокультурному пространству возводила стену непонимания между русскими эмигрантами и местным населением, преодолеть которую русские не стремились из чувства сохранения своей культурной идентичности. Русские с трудом выносили монотонность и скуку европейской жизни, скуку копить, складывать денежку к денежке, когда „каждый безропотно крутит свое колесико“, пытаясь разбогатеть. Мелочность, монотонность и повседневная рутина жизни западного человека была тягостна и ненавистна русскому, для которого характерно равнодушие или даже презрение к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, накопительстве. Различие ценностных ориентаций приводило к непониманию.

Русским, воспитанным в коллективистской культуре, с их гостеприимством, непрактичностью и готовностью пустить ребром последнюю копеечку, были чужды регламентированность образа жизни чехов и их рационализм, когда при расчете с хозяевами арендованного жилья надо было отдельно платить за пользование хозяйствкой лампой или за сидение на клеенчатом диване. Некоторые особенности бытового поведения русских эмигрантов, в частности, их стремление селиться колониями, неистребимое желание общаться, „ходить в гости друг к другу, засиживаться допоздна; в дни получек устраивать пикники и пирушки“ становились поводом к отказу от сдачи квартир в аренду русским беженцам². Принимающая сторона пыталась объяснить „русским варварам“, „что гораздо выгоднее и практичнее принимать гостей в соседней пивной, ибо там каждый платит сам за свое пи-

во“³. Русские предпочитали угощать друзей, а неделю спустя, как шутила М. Цветаева, „впадать в задумчивость“⁴.

Образ жизни русских вызывал раздражение чешских домовладельцев, им было непонятно, что таким образом представители коллективистской культуры преодолевают трагедию беженства и шок от столкновения с иной культурой.

Несмотря на разницу культур, у многих из русских эмигрантов вскоре появились среди чехов добрые друзья. Например, Анна Антоновна Тескова, долгое время заведовавшая культурным отделением общества „Чешско-русская еднота“⁵. Любя русскую культуру, она вела активную переписку с М. Цветаевой, оказывала ей материальную помощь.

Коллективные представления чехов о России и русских вписаны в „тексты культуры“: поэма „Молитва о России“ Ружены Шварцовой в переводе К. Бальмонта воспроизводит самые светлые чувства чехов к России, брусиловским прорывом разгромившей Австро-Венгрию и способствовавшей обретению Чехословакией независимости. Сочувствие израненной России, „чьи раны огневые“ „некому перевязать“, сопровождается верой в то, что путь ее „не окончен сполна“, Россия залечит раны, слезы высохнут и наступит ее „лучезарное царство“⁶.

Русские могли выражать недоумение по поводу отдельных проявлений национального характера чехов, но когда Чехию постигла беда, гениальная Цветаева, полюбившая Чехию и ее народ, выплеснула общеземigrantское отчаяние и почти физическую тревогу за судьбу страны, приютившей русских:

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

Со временем реформ Петра I ориентиром русского общества при всей его многоэтничности была, безусловно, Евро-

Корпшивова А. Русские эмигранты во Вшенонах-Мокропсах — Черношицах 1920-е годы 20-го века) // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXI. Русская Прага .1920—1945. New-York, 2001—2002. С.429.

² Кудрова И. Дом на горе // Звезда 1987. №8. С. 156.

³ ГА РФ. Ф. 6089 Оп.1 Д.9. Л. 6.

⁴ Кудрова И. Указ. соч. С. 156

⁵ Там же. С.259.

⁶ ГА РФ. Ф.5856. Ед. хр. 592. Л.56.

па. Однако при очевидном несомненном родстве России и Европы были и существенные культурные различия, обусловленные принципиальной разностью оснований двух культур — западной и русской, в основе которых лежат разные ветви христианства, определяющие их специфику. Для русской православной культуры характерно преобладание духовности и эмоциональности над логикой и рационализмом, ориентированность на приоритет духовных ценностей, неприхотливость относительно материальных условий жизни. Деятельность Запада целерациональна, направлена на получение результата, в России же преобладает ценностно-рациональная ориентация. Русскому типу сознания свойственно тяготение к духовному радикализму, стремление достичь Абсолюта единственным порывом воли. Для русской сoteriологической (направленной на спасение) культуры важными оказываются ценности сострадания, жалости, терпения и смирения; для гедонистической (западной, особенно протестантской культуры) показатели богоизбраннысти — успех, деньги, власть.

В Германии и Франции, где обосновалась значительная часть русских эмигрантов, культурные различия еще более затрудняли коммуникацию. Беженцев воспринималинейтральными "экзотическими" пришельцами, к которым окружающие испытывали разные чувства: сострадание, доброжелательность, любопытство или, в худшем случае, равнодушие.

В Германии отношение к российским подданным было не особенно дружественным. Их воспринимали как представителей недавнего военного противника Германии. После окончания войны „эксцессы национального подъема“ проявились в реваншистских настроениях, в стремлении превратить поражение в победу и обеспечить „жизненное пространство“ за счет Восточной Европы. Германская пропаганда трубила о русских как о „народе одряхлевшем, как китайцы“, сходящем с исторической сцены, на смену которому должна прийти молодая арийская раса. Русские как объект предстоящих военных действий наделяются негативными качествами: они „бессознательны, бесчестны, подлы, легко-мысленны, бесчувственны, лишены самостоятельности“. „В

русской крови есть нечто нездоровое, болезненное, ублюдоочное, что постоянно тормозит всякое стремление в высоту“¹. В массовое сознание внедрялась идея об угрозе со стороны примитивных кочевых народов, якобы определявших подлинный характер России. Состояние России считалось производным от русского национального характера, которому якобы присущи такие качества, как лень, нечистоплотность, беззаботность, эмоциональная несдержанность, импульсивность, бесплановость — то, что определяет понятие азиатский тип.

Немцы считали себя в культурном отношении выше многих: „германский народ — есть народ господин, который призван властвовать в мире и быть проводником истинной культуры. Подобный народ должен презирать другие народы. Всякий немец лучше, чем любой иностранец“, — говорил в 1933г. епископ Мюллер². Немецкий публицист Грюндель в книге „Миссия молодого поколения“, содержание которой эмигрантский литературный критик Ю.Слонимская анализирует в статье „Чего хочет немецкая молодежь“, Россию считает неспособной к самостоятельному развитию, русскую культуру — заимствованной у Европы, а Россию — „чуждым и не усваиваемым Европой инородным телом, являющимся источником постоянной смуты“, причем часть русских земель, по ее мнению, подлежит отходу к Германии. Спокойное будущее Европы автор видит в объединении западных держав „под руководством возродившейся Германии“³. Коллективные представления как в зеркале отражаются в текстах культуры. Книга П. Морана „Ночь в Шарлоттенбурге“ пронизана реваншистскими настроениями, которые якобы провоцируются самими русскими: „Русские — это люди с кометными глазами, которые смотрят на нас через балтийские леса, и смущают, волнуют нас“... „Без нашего ведома они взывают к нежностям и к священным яростям, с которыми мы бессильны совладать“... „Уж две тысячи лет

¹ ГА РФ. Ф. 5856. Оп.1. Ед. хр. 172. Л.347.Оборонческое движение.№1.

² Там же. Л. 348.

³ Сазонова Ю.Л. Встреча французских и русских писателей // Последние новости. 1 марта 1930.№3265. С.4.

сарматский янтарь притягивает нас, как бумажонки“, „по мере того, как Россия уходит, мы готовы следовать за ней в Азию...“¹ Германия явно устремляется на восток, но в 30-е годы русские еще не были этим озабочены: немалая часть эмиграции рассматривала немцев как возможного союзника в борьбе с большевизмом. Фашизм еще не успел продемонстрировать свою бесчеловечность, и фашистская идеология для многих еще не потеряла своей привлекательности.

Во второй половине 30-х годов на страницах „Возрождения“, в рубрике „Третий рейх. Впечатления туриста“ публиковались довольно радужные впечатления русских эмигрантов о жизни нацистской Германии. Позитивно оценивалась и внутренняя жизнь Германии, и политика Гитлера, с удовлетворением отмечалось повсеместное закрытие масонских лож. Однако отдельные события не удостоены упоминания на страницах газеты, например, преследование нацистами католической церкви. Явная пристрастность, свойственная „Впечатлениям“, вызвана не столько искренними симпатиями к нацизму, сколько стремлением найти в нем союзника в борьбе с большевизмом. Надежды на совместное выступление против большевизма определяли позитивизм оценок и заставляли закрывать глаза на многие вещи, неприемлемые для русских эмигрантов.

Франция была наиболее привлекательной страной для русского человека. Даже наполеоновское нашествие не положило конец российской франкофилии: образованные русские продолжали говорить по-французски, зачитываться французскими книгами и при первой же возможности стремились посетить Францию. Знание французского языка многими эмигрантами облегчало адаптацию, способствовало увеличению объема получаемой в ходе общения информации, более глубокому постижению внутреннего мира „чужого“, представителя иной культуры, позволяло соотнести личный опыт с опытом иной культуры.

Многие эмигранты обрели родину в Париже. Русские в Париже жили в чисто русской атмосфере, не испытывая недостатка общения. Русская диаспора была столь многочис-

ленной, что, живя среди русских, настоящей „тоски по родине“ у многих уже не было. Г.Адамович испытывает чувство почти сыновней связи с Парижем: „Этот единственный в мире город — мой город, (точнее, и мой город), без него мы не были бы тем, чем стали. Эти камни — мои камни, без которых я был бы чуть менее человеком, чуть-чуть больше зверем“¹.

Русские держались обособленно, да и французы не очень подпускали их к себе. Отношение к русским в разных слоях французского общества различалось. Консервативно настроенные французы разделяли русских на беженцев, заслуживающих уважения, и на советских граждан, подозреваемых в том, что большинство из них — „агенты Коминтерна“². Однако подобная точка зрения была характерна лишь для части французского общества. Французские интеллектуалы были поголовно левыми. Лозунги большевиков о построении справедливого общества находили понимание и сочувствие французского общества, видевшего в эмигрантах вчерашних эксплуататоров, ставших жертвами справедливого народного гнева³.

Несмотря на то, что волна русских эмигрантов, хлынувшая во Францию, доставила французскому правительству массу неудобств, отношение к русским в общей массе было доброжелательным. А. Куприн после года жизни в Париже не нашел „того недоброжелательного отношения к русским ни в прессе, ни в публике, о котором предшествовала мольба“. По его мнению, недоброжелательства к русским и вовсе нет, несмотря на то, что тысячи французов, мелких держателей русских акций — рантье, лавочники, консьержки, „трудолюбивые, бережливые и бедные люди“ — пострадали в результате революции в России... Русофильские настроения во Франции А.Куприн объясняет неизгладившейся памятью об огромных потерях русских, когда они пришли на

Последние новости. №6791. 31 октября 1939г.

² Осоргин М. Листы блокнота // Последние новости. №6789. 29 октября 1939 г.

³ М.М. Винавер в Париже: (из воспоминаний Розы Георгиевны Винавер) / публ., вступ. заметка и comment. Олега Коростелева // Русские евреи во Франции. Иерусалим, 2001. С.196.

¹ ГА РФ. Ф.5856. Оп. 1. Д. 592. Л.56.

выручку французам в дни Вердена и Марны. За сепаратный выход из войны французы винили большевиков и жалели Россию, хотя и не без высокомерия: „об убийстве царской семьи говорят с осуждением и презрением. Одно дело казнь по суду народному, а другое — мерзкое, грязное убийство, без смысла и оправдания. Франция — цивилизованная страна и никогда не сделала бы этого“¹.

А. Куприн свидетельствует, что несмотря на дороговизну жизни, острый квартирный кризис, французы не поднимали голос на лишние рты иноплеменных беженцев. Русским повсюду предоставляли широкий кредит. К объедающимся и упивающимся в самых дорогих ресторанах русским эмигрантам относились с презрением: „Канкан во время народного траура“².

Восприятие французов писателями — эмигрантами М. Осоргиным и К. Бальмонтом было менее благодушным: сказывалась травма изгнания. Французы, по мнению М. Осоргина, — народ, не любящий иностранцев. Французская культура самодостаточна: французы не нуждаются ни в искусстве, ни в науке других народов, довольствуясь тем, что сами творили и творят. Внимание к русской литературе во Франции всегда было более любезным, чем основательным. Интересы литературно средне образованного француза, по мнению М. Осоргина, не простираются дальше Толстого и Достоевского. Русский язык изучается очень немногими (но! Изучается с любовью и прилежанием); русские авторы почти не переводятся: ни старые, ни новые, ни самые молодые.³

За семь месяцев пребывания в Париже К. Бальмонт полюбил этот красивый город, жители которого приветливые, умные, совсем необременительные и не обременяющие собою иностранца, ему симпатичны. Он приобрел в Париже знакомых, были и такие, что считались друзьями. Однако эти отношения Бальмонт расценивал лишь как подобие дружбы. В общении с французами „души высокая свобода,

¹ Куприн А. Голос оттуда. М., 1999. С. 328.

² Там же. С. 328—329.

³ Осоргин М. Листы блокнота // Последние новости. №6789. 29 октября 1939 г.

что дружбою наречена“ (А. Ахматова) не достигалась. Отсутствие „соучастия душ“ делало невозможным „настоящий разговор“. Знание французского языка, французских особенностей, французского искусства, французской литературы не спасало, поскольку французы не знали того же русского. К. Бальмонт ощущал „океанскую бурю разнородности“, „волны событий“, которые разделяли представителей русской и французской культуры. За изысканной вежливостью французов скрывалось их безразличие к иностранцам. Бальмонт понимает, что парижанам он не нужен. „А нужны ли они мне, — пишет он, — об этом я молчу из скромности и из вежливости“¹. Н.В. Труханова-Игнатьева, балерина, одна из звезд парижской эстрады, вспоминая празднование Пасхи в Париже, с горечью пишет о своем „убогом одиночестве“, хотя рядом за праздничным столом были ее французские коллеги: „Ведь я же русская, праздник русский, а вот я сижу одна, с чужими“². Невозможность достичь эмпатии в общении с французами приводит к мысли о том, что все они плоские, неинтересны, душевно бессодержательны³. Чужая культура так и не стала своей.

Франция не была враждебной. Она была безразличной. Разница культур превращала русских в загадку, попытки разгадать которую французы не предпринимали, понимая их бесполезность. Представления французов о русской жизни и о русской семье были карикатурны: „отец — Мужик, жена его — Баба и ребенок — Попов“⁴. Отдавая должное великой русской литературе, широте ума русских, признавая их многочисленные таланты, надежным фундаментом представлений французов о русских было восприятие их как варваров, скорее чужих, чем дикарей.⁵

С наступлением кризиса отношение к русским становится отнюдь не благодушным. Русские привычки говорить

¹ ГА РФ. Ф. 5856.Оп.1. Д.592. Л.82. Бальмонт К. Среди чужих: очерк // Воля России. 7.05.1921.

² Труханова-Игнатьева Н.В. Парижские встречи // Встречи с прошлым. М., 1982. С. 169.

³ Седых А. Далекие, близкие. М., 1995. С. 82.

⁴ Любимов Л.На чужбине. М., 1963. С. 146.

⁵ Там же. С.148.

слишком громко, попытки объясняться на плохом французском, а зачастую и нежелание совершенствовать французский язык вызывали раздражение местного населения, прорывавшееся в оскорбительных высказываниях по адресу „грязных русских, грязных иностранцах“, которым советовали убираться восвояси¹. Возможно, подобные выражения помогли некоторому количеству русских избежать ассимиляции², замечает писательница, эмигрантка второго поколения З. Шаховская.

Постичь суть национального характера любого народа можно, лишь сочувствуя и сопереживая. Н. Тэффи с удивлением обнаруживает несоответствие реальности сложившимся стереотипам: „Французский дом держится матерью, ее трудолюбием, заботами и любовью. Мелкая торговля в руках женщин, где она работает с 7 до 20 часов без помощников, в то время как ее муж сидит с рюмкой коньяку в кафе в самые рабочие часы дня“. Оказалось, что в просвещенной Франции женщины имели меньше прав, чем в „отсталой“ „экзотичной“ России: три четверти француженок работали самостоятельно, хотя перед законом они все еще считались как бы несовершеннолетними и не имеющими права распоряжаться своим имуществом. Ни одного коммерческого договора женщина не могла подписать без согласия мужа³.

При непосредственном соприкосновении с бытованием французской семьи рушились ранее сложившиеся стереотипы о француженках как о „раскрашенных куклах, жадных, бессердечных, думающих только о тряпках, изменяющих мужьям, разоряющих мужчин, виновницах стольких падений и преступлений“. Французская женщина вопреки представлениям о ней, сложившимся у русских, оказывается „честной, сильной, трудолюбивой, великолепной семьянинкой, любящей матерью“⁴.

Русские ощущали утонченность французской культуры, но привычка французов все чувства подвергать рефлексии,

¹ Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919—1939. М., 2007. С. 179.

² Шаховская З. Таков мой век. М., 2006. С. 267.

³ Тэффи. „Женевьеве“: (французская женщина) // Современная женщина. Париж. 1932. №2. С. 8.

⁴ Там же. С. 7.

приводящая к выхолащиванию любых эмоциональных проявлений и утрате последних иллюзий, была глубоко чужда русским, с их чувственным восприятием жизни, когда эмоции преобладают над разумом, а страсти — над материальными интересами. Отсутствие искренности, подавление чувств и эмоций, когда „ничто не принималось всерьез, а конкретными были только деньги и то, что вы могли на них купить“, — все это вызывало неприятие русских, поскольку было им несвойственно с их открытостью, искренностью, доверчивостью, непрактичностью, добродушием и простодушием. Общим фоном Парижа была тоска, „и плакалось-то там с насмешкой над своими слезами“¹, — такими видятся французы русской эмигрантке Т.И. Лещенко-Сухомлиной.

Русская диаспора состояла в основном из интеллигенции, склонной к рефлексии. Строгая система поведения, которой повиновались французы, казалась русским „бестолковщиной“, однако постепенно стала осознаваться как признак цивилизованности. Разница культур осознавалась и проявлялась в восприятии России как мира „теплого и хаотичного“ и Франции как мира — „блестящего и более холодного“, повинующегося рассудку, а не сердцу, в отличие от русского². Большинство русских эмигрантов считало, что они против своей воли живут в стране, которая в свою очередь приняла их против своего желания.

Население видело в образованных русских конкурентов в борьбе за рабочие места, лишь иностранный легион приветствовал русских в своих рядах. По оценке военных экспертов, „лишь доблестью русских Франция сохранила до начала Второй мировой войны свои владения“³. Визитной карточкой российских офицеров во французском иностранном легионе были „пламенная отвага, смесь горячности и фатализма, глубокое чувство ответственности за жизнь своих солдат, а также стиль военной элегантности, по которому их узнавали с первого взгляда“⁴. Стремление русских сохра-

¹ Лещенко-Сухомлина. Долгое будущее. Т.1. М., 1991. С. 81.

² Шаховская З. Указ.соч. С. 267.

³ Балмасов С. Среди бродяг и неудачников: русские эмигранты во французском иностранном легионе // Родина. 2009. №4. С.70.

⁴ Там же. С. 69.

нить себя, не опуститься на дно жизни в самых беспросветных условиях иностранного легиона, „где обычным времяпрепровождением было пьянство, а если были деньги, то с участием проституток“, расценивалось остальными как вызов традициям легиона, и „возбуждало у остальных презрение, а некоторые за это русских прямо ненавидели“¹.

Русские зарекомендовали себя как люди, на которых можно положиться; их честность, мягкость и отзывчивость, преданность общему делу были по достоинству оценены французами: русские быстро продвигались по служебной лестнице. „Всечеловечность“ русских, выработанная совместным существованием в границах Российской империи многих племен и народов и ставшая чертой национального характера, способность видеть в другом себе подобного, уважать и быть справедливым к человеку независимо от его конфессиональной или национальной принадлежности позволяли русским легко находить общий язык с местным населением и без принуждения добиваться от „ленивых“, по мнению французской колониальной администрации, „ничего не уважающих, кроме силы, туземцев“, уважения и послушания².

Испания в силу ее удаленности на европейском континенте не стала прибежищем русских эмигрантов. Испанцы выстраивали образ русского главным образом на основе своих представлений о героической истории России, защищившей своим мощным телом Европу от губительного нашествия монголо-татар, и чтения русской литературы. Сходство недавней истории двух стран — Испания и Россия были единственными на европейском континенте, сумевшими устоять перед Наполеоном, — предопределило позитивное восприятие друг друга. Длительная борьба с иноземными захватчиками выработала сходные черты национального характера испанцев и русских: свободолюбие, преобладание духовности и эмоциональности над логикой и рационализ-

Брюон Ж., Маню Ж. Иностранный легион. (1831—1955) М., 2003. С.218; Балмасов С. Среди бродяг и неудачников: русские эмигранты во французском иностранном легионе // Родина. 2009. №4. С.69.

Парчевский К. Среди русских в Африке // Новое русское слово 06. 08.1937.

мом, ориентированность на приоритет духовных ценностей, неприхотливость относительно материальных условий жизни¹. Близость культур, общность исторических судеб двух стран способствовали позитивному восприятию. В беседе с эмигранткой Ю. Сазоновой-Слонимской, сотрудничавшей с газ. „Последние новости“, испанский читатель считает Ф.М. Достоевского родным, сцена „инквизитора“ у Достоевского воспринимается им так, как будто она написана испанцем, настолько глубоко понимание русским гением испанского национального характера. Подчеркивая близость культуры России и Испании, испанец выражает уверенность в том, что „никогда ни француз, ни тем более англичанин, не мог быть родственен им, как русский, подготовленный к пониманию Испании, поскольку Испания и Россия жили той же внутренней духовной жизнью“. В русской литературе, как и в испанской, главный герой — народ, главная тема — народная душа. Восприятие испанцев Слонимской, посетившей Испанию в 1930 г., более реалистично, поскольку основано на личных впечатлениях. Ее привлекает воспитанность и изысканность даже простых испанцев:... „и это не есть внешняя культура“, „она не угашает в них чистоты духовной жизни, страстного влечения к правде на земле, то, что Достоевский видел в русском крестьянине“². Впечатления Ю.Л. Слонимской созвучны восприятию испанцев ее современницей и соотечественницей Т.И. Лещенко-Сухомлиной, побывавшей в Испании в 1932 г. и также ощутившей родство двух стран: „В Испании я чувствовала себя как дома, я ощущала ее ритм, пульс ее жизни, мое сердце билось в унисон с сердцем Испании, а испанцы были для меня своими. Мы бились в такт — я и Испания“³.

Как и Ю. Сазонова, Т. Лещенко-Сухомлина отмечает чувство собственного достоинства и благородство поведения

¹ Пожарская С.П. Испания глазами российских послов конца XVIII — первой четверти XIX в. // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995. С. 3.

² Сазонова Ю.Л. Советская скуча // Последние новости. 25 июня 1930. № 3381. С. 3.

³ РО РГБ. Ф.543. №49. Ед. хр. №13 „Моя жизнь“ / 1935 октябрь—1941 января 28. С.29.

даже безграмотных испанских крестьян, их изысканное умение держать себя, дружелюбную вежливость и невозмутимое спокойствие, которые разительно контрастировали с вульгарным поведением иностранцев¹. Она восхищается „изысканной вежливостью, чинным спокойствием, изяществом манер и органически присущей испанцам воспитанностью“, начиная от носильщиков на вокзале и кончая почтовыми чиновниками, кондукторами трамваев и т.д.²

Однако Слонимская отмечает и различие национального характера русских и испанцев, проявляющееся, по ее мнению, в отношении к власти. Если для православного русского царь — помазанник Божий, поэтому отречение императора от власти русскими воспринимается как преступление перед Богом и влечет за собой гибель государства, то для испанца король — лишь первый среди равных, верховный правитель — нация, обладающая правом судить монарха и сместь его в случае его неспособности обеспечить процветание нации. Смещение монарха не воспринимается как катастрофа, не влечет за собой изменение традиций и народной психологии, не создает угрозу анархии³. Оценивая национальные особенности европейцев, Сазонова судит с позиций той культуры, к которой принадлежит, проявляя радикализм, свойственный русской интеллигенции. Главные мотивы поведения людей, по ее мнению, носят иррациональный характер и связаны с идеалами и движениями души. Она убеждена, что великую цель может быть достигнута, если человек способен преодолеть эгоизм и проявить альтруизм, далеко выходящий за рамки краткосрочных рациональных расчетов. Русский умеет жить в облаках, утешить себя мечтой, что помогает сохранить достоинство и выжить в самых сложных жизненных обстоятельствах. Эмпатия (способность сопереживать другому), свойственная русским, является глубочайшим основанием для истинного творчества.

¹ РО РГБ. Ф.543. №49. Ед. хр. №13 „Моя жизнь“ / 1935 октябрь—1941 января 28. С. 10.

² Там же. С. 23.

³ Сазонова Ю.Л. Ценность человека // Последние новости. 30 июня 1930. № 3386. С. 3.

Сазонова, предвосхищая открытия современных психологов, пишет о культурных различиях в мотивации познавательного процесса у русских и европейцев: „Европеец сознанием отверг абсолютное существование материи, но чувством стремится к нему, жаждет уцепиться за землю. Русский всегда готов свеситься с земли, заглянуть, что творится в безвоздушном пространстве. Страстное и почти детское любопытство влечет его к абсолютному познанию, и жажда правды сильнее всех опасений“¹.

Превалирование духовных ценностей над материальными в русской культуре объясняет принципиальное пренебрежение русских к богатству, грубо утилитарная мотивация получения знаний, приводящая к познавательным дефицитам, у русских отсутствует. Стремление к науке ради нее самой; как и к отвлеченным положениям, теоретическим вопросам, отсутствие заземленности и грубого рационализма в познании приводит, по мнению Сазоновой-Слонимской, к научным свершениям: „В то время как европейская цивилизация стремится к установлению полезных рекордов, русский ученый изобретает способ летать вне земной атмосферы и тем подготавливает возможность межпланетных сообщений. В то время, как европейская медицина отстаивает человеческие жизни, борясь со всеми видами болезней, русская наука желает знать, что такая самая жизнь, стремится добраться до последней ее тайны“ „Вся русская литература движима стремлением к тайне мира, к раскрытию неведомых основ бытия, и европеец, с волнением следя за духовным бесстрашием русского писателя, получает от него драгоценные вести“².

Заземленность, рационализм и прагматизм, свойственные европейцам, присутствуют даже в любви, что, по мнению Сазоновой, ведет к утрате эмоциональных стимулов для развития отношений. Отсутствие стихии переживаний, составляющих экзистенциальную страсть жизни, скука семейной жизни европейцев контрастирует с эмпатией, эмоциональной насыщенностью супружеских отношениях рус-

¹ Сазонова Ю.Л. Реальность и тайна // Последние новости 1 августа 1929 г. № 3053. С. 3.

² Там же.

ских: „Французская литература количеством реальных подробностей, внимательным изучением внешних проявлений стремится вплотить любовь, создать из нее тот кусочек „реальности“, за который может ухватиться в колеблющемся мире абстракций человек, в это время русский писатель видит в любви высшую форму раскрепощения, предельную возможность выпрыгнуть из узкого русла своей плоти“¹.

Представления русских и народов стран-реципиентов друг о друге — это отражение напряженного диалога культур в условиях эмиграции, ставшего возможным благодаря длительному опыту существования Российской империи как многонационального государства, терпимости и диалогичности русского сознания, способного к самообогащению и саморазвитию за счет восприятия и усвоения духовных ценностей иных культур при сохранении своего культурного ядра.

Представления, сформированные русскими о народах стран-реципиентов и принимающей стороны о русских эмигрантах, были неоднородными и противоречивыми, отличаясь даже в рамках одного и того же общества, между людьми, принадлежавшими к разным поколениям и социальным слоям. Конструирование образа врага служило и средством самопознания, при этом даже негативные свойства, присущие „своим“, окрашивались в привлекательные тона, врагу же приписывались негативные качества. Однако патриотизм русских беженцев, приверженность ценностям родной культуры не несли заряда ненависти к культуре стран реципиентов. Близкое соприкосновение с высокообразованными в основном русскими эмигрантами было благотворным для культуры стран-реципиентов.

Оглавление

Предисловие	3
I. Роль А.Д. Черткова в развитии отечественной науки	9
Акиньшин А.Н. Семья Чертковых и Тевяшовых в истории русской культуры	9
Фролова М.М. А.Д. Чертков как исследователь статейных списков	20
II. Чертковская библиотека в культурной жизни Москвы и России	27
Шапошников К.А. Чертковская библиотека в ведении Московского городского общественного управления (1871—1887 гг.). По документам Центрального исторического архива г. Москвы	37
Мищенко Т.К. Библиотекарь Чертковской библиотеки П.И. Бартенев и его труды в ГПИБ России	62
Серебрякова Е.И. О рукописном Евангелии 1549 г. из собрания А.Д. Черткова: вопросы атрибуции и особенности художественного оформления	88
Маркина Е.Д. Атрибуция картографических произведений из библиотеки А.Д. Черткова, хранящихся в отделе картографии ГИМ	102
Князева С.Ю. Книги со штампом „Чертковская библиотека“ из собрания МГОМЗ	131
III. Культурная миссия библиофильства	148
Ильина О.Н. Об основных группах каталогов личных библиотек в России и некоторых аспектах их источниковедческого изучения	148
Долгодрова Т. А. Известный библиофил XVI века Август I Саксонский (1553—1586) и книги из его библиотеки, хранящиеся в РГБ	159
Якунина Л.Г. О библиофильской деятельности антиквара П.П. Шибанова (1864—1935)	167
Рудницкая В.Л. О роли рекламных объявлений в изучении деятельности отечественных букинистов рубежа XIX—XX вв.	178
Уланова А.В. Автографические издания 1919—1922 гг.: неизвестные книги известной коллекции	188
Мстиславская Е.П. Функции авторского издания в личном архивном фонде деятеля культуры, науки и государства	194
Шамин С.М. Рукописная коллекция В.В. Молчановского: опыт частного собирательства 70-х гг. XX в.	207

Сазонова Ю.Л. Реальность и тайна // Последние новости. 1 августа 1929 г. № 3053. С. 3.